

ДАРЬЯ
БЕЖЕНАРЬ

*ЛЮБОВЬ
ПО РАСПИСАНИЮ*

Дарья Беженарь

Любовь по расписанию

«Литнет»

2026

Беженарь Д.

Любовь по расписанию / Д. Беженарь — «Литнет», 2026

«Мымра» — прозвище, с которым Марина почти смирилась. Строгая учительница, которую уважают, но не понимают. После скандала с отцом ученика она решает развестись — и снова сталкивается с ним. Один вечер без правил может всё изменить... - взрослые герои - скромная учительница - настоящий мужчина - юмор и романтика_____История Владимира и Любы:История Гели и Мирона:

© Беженарь Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Максим

— Настя, кофе! — рычу на бедную секретаршу так, что, кажется, даже папки на стеллаже вздрагивают.

— Сейчас всё будет, Максим Денисович.

Залетаю в кабинет, швыряю мокрый зонт в угол — с него тут же стекает грязная осенняя вода, оставляя тёмное пятно на полу.

— И Олега ко мне в кабинет пригласи! — бросаю через плечо, не оборачиваясь.

Хлопаю дверью. Облокачиваюсь руками на стол, пальцы впиваются в край столешницы. Взгляд падает на шкаф с подарочным алкоголем. Коньяк в тяжёлом графине манит янтарным блеском. С удовольствием сейчас бы бахнул. Но на работе алкоголь распивать для меня табу. Домой приеду — расслаблюсь. Обязательно.

Прикуриваю сигарету, выдыхаю дым в приоткрытое окно. На улице с утра льёт как из ведра — не дождь, а сплошной серый занавес. Вода стекает по стеклу мутными струями, размывая очертания города до какой-то бесформенной каши. Я ни фига не Пушкин, кайфовать от осени — не моё. Природа увядает, и точка. Грязь, сырость, серость — какая, к чёрту, лирика.

Настя приносит кофе и печенье на блюдце. Ставит на край стола, будто боится приблизиться. Видит, что я без настроения. Обычно я добрее. Ну, не то чтобы добрее... скорее, стараюсь не выпускать внутреннего дракона, но сегодня пусть все прячутся: я зол и буду орать и кусаться.

Подрядчик опять сорвал сроки. Опять! На этот раз не просто на пару дней, а по полной. Фундамент на третьем корпусе пошёл с отклонениями, арматура не та, документы собирали второпях, будто склеивали из разных проектов на коленке.

— Где Олег, Настя? Ты сказала ему, чтобы зашел?

Она только кивает, сглатывает и быстро выходит, прикрывая за собой дверь.

Через минуту дверь снова открывается, и в ней показывается мой операционный директор с планшетом под мышкой. Олег — единственный, кто не теряется, когда я в таком состоянии. Он садится напротив, закидывает ногу на колено, кладёт планшет на стол.

— Ну, рассказывай, — говорит спокойно, будто мы не о срыве миллионного контракта говорим, а о погоде. — Что опять не так?

Тяжело выдыхаю, тушу сигарету в пепельнице.

— Фундамент. Отклонения. Арматура не та. И это ещё не весь список, — перечисляю сухо, чеканя каждое слово. — Прораб либо слепой, либо ему всё равно. А скорее всего — и то, и другое.

Олег достаёт телефон, быстро листает что-то на экране.

— Сейчас наберу его, разберёмся.

— И что у нас с участком на Лесной? — перебиваю, не давая ему уйти в рутину звонков. — Олег, мы обещали сдать объект через восемь месяцев. Ты в курсе, как никто, какие бабки там крутятся. Но чувствую, и тут все сроки пойдут по пизде.

— Так, не кипи, — спокойно говорит он. — Всё решим сейчас. Я сам туда съезжу, посмотрю. Если надо — перебросу людей с другого объекта.

Кивает, будто сам себе подтверждает план, и выходит из кабинета.

А в кармане снова раздражающе вибрирует телефон. Уже который раз за утро. Да кто там, блин? Достаю, смотрю на экран — незнакомый номер. Вот что вам всем надо от меня именно сейчас, когда голова и так раскалывается от проблем?

— Калашников, — рявкаю в трубку, даже не пытаюсь скрыть раздражение.

— Здравствуйте, Максим Денисович? — в трубке звучит женский голос. Спокойный, но твёрдый, будто она заранее готова к тому, что её сейчас пошлют.

На секунду даже теряюсь. Не прораб, не заказчик, не банк...

— Предположим, — бурчу, потирая переносицу. Голова начинает гудеть, как трансформатор.

— Я классный руководитель вашего сына, Марина Романовна, — продолжает она ровно. — Нам нужно поговорить.

Мымра, что ли, до меня уже добралась? Почему не Лере звонит, как обычно?

В кабинет возвращается Олег, уже с какими-то распечатками в руках.

— Я сейчас занят, — говорю в трубку, стараясь не повышать голос, но получается всё равно резко. — Звоните Валерии Игоревне.

Отключаю звонок, швыряю телефон на стол. Он скользит по гладкой поверхности и замирает у края, будто тоже выдохнул.

— Ну что там, Олеж? Порадуй меня хоть чем-нибудь. А то убью сегодня кого-нибудь, точно.

Олег криво усмехается — так, будто знает, что хорошие новости сегодня днём с огнём не сыщешь.

— Радостного мало, — признаёт он, раскладывая перед мной листы. — Но решаемо. Смотри: вот отклонения по фундаменту, вот фото. Я уже связался с лабораторией — они готовы выехать сегодня. И да, на Лесную я сам поеду. Ты пока тут держись.

— Держусь, — выдавливаю из себя. — Просто... день такой.

— День как день, Макс. Вытащим. Всегда вытаскивали.

И в эту секунду я ему верю. Хоть на пять минут, но верю.

К вечеру все дела кое-как разгребаем. Еду домой с одним желанием: принять душ, бахнуть виски и завалиться спать. В голове — гул, будто весь день по ней молотком стучали.

Подъезжаю к дому, поднимаюсь на этаж, открываю дверь — и на коврике у входа вижу кроссовки малого. Хоть что-то радостное за сегодня.

Мы с женой давно развелись, но постарались сохранить терпимые отношения ради сына. У неё теперь новая семья: муж, маленькая дочь. А наш общий сын Денис живёт то у меня, то у неё. Когда он у неё, моя квартира становится слишком тихой. Тоскливо до жути. Я не люблю эту тишину — она будто подчёркивает, сколько всего рассыпалось.

Женщин я сюда не вожу. Квартира — моя крепость, зона комфорта и место силы. Здесь я могу быть просто собой. А они в последнее время раздражают всё больше. Не нахожу я ту, с которой не только потрахаться хочется, но и поговорить. Хочу милую, добрую, хозяйственную — чтобы и меня, и сына любила.

Дохера хочу? Согласен. Все нормальные давно замужем, а те, что остались... ну, значит, никому не сгодились из-за дурного характера. Их только коты и терпят.

Но мой друг Володя же нашёл свою Любовь. И хорошая, и красивая, и добрая, и сына любит, и его. Значит, остались ещё нормальные женщины. Только где ж их искать? Явно не в баре ещё одного моего друга Брони — там нормальные точно не водятся, там только те, кто ищет приключений на одну ночь.

Разуваюсь, стягиваю с себя пальто, пиджак, швыряю их на вешалку. Захожу в зал — и замираю. Малой накрыл стол. Пицца, кола... и даже мой виски достал. Ничёсе.

— Привет, па, — Денис сидит на диване у стола, чуть смущённо улыбается, будто не уверен, правильно ли всё сделал.

— Привет, малой, — подхожу, пожимаю ему руку, хлопаю по плечу. У него уже ладонь твёрдая, не детская. Гордость колет где-то под рёбрами. — А что это у нас? — киваю на накрытый стол.

— Да так... — бормочет, опуская глаза, — А тебе Мымра не звонила, разве?

Шумно выдыхаю и падаю в кресло, потирая лицо руками. Так-с... Виски откладываются — сначала надо разобраться.

— Звонила. Я её к Лере отправил. Но она потом ещё два раза перезванивала. Я был занят.

— Не, мама не подойдёт, ей ты нужен, — бурчит Денис, скрещивая руки на груди.

— В каком смысле — ей я нужен? Не пугай меня, — усмехаюсь.

Я с Мырой лично не знаком и не видел никогда. Но по рассказам сына и его друга она стрёмная старая тётка, которая на детей сгоняет свой недотрах.

— Я Тарасову по лицу дал... Несколько раз.

— Избил одноклассника? — приподнимаю бровь. — За дело?

Сын занимается боксом и отлично знает: за пределами ринга показывать мастерство нельзя.

— Па, ну конечно за дело. Он девочкам в раздевалке камеру поставил. Снимал их.

Охреневаю — аж брови подпрыгивают. Ничего себе развлечения нынче у школьников!

— Вика заметила камеру и мне сказала, — продолжает Денис. — Ну, я и навалял... немного. Не рассчитал.

— Ну и молодец, что навалял! Хвалю. Люблю. Ценю и уважаю. Ты за правое дело вступился, не прошёл мимо. Так, а эта Мыра ваша что тогда от меня хочет?

— Чтобы ты завтра пришёл в школу к директору. У Тарасова отец — какая-то шишка, меценат... Будут разборки чинить.

— Ясно, — выдыхаю. — Значит, завтра едем вместе.

Всех приветствую в новинке.

Не забывайте ставить ## книге и добавлять в библиотеку.

Спасибо! ##

Глава 2

Максим

Заходим с сыном в кабинет директора — и с порога картина маслом. На месте директора, развалившись в кресле, будто он тут главный, сидит, по всей видимости, отец Тарасова. Рядом сынок стоит — ухмыляется разбитым лицом. Напротив — сам директор, бледный как штукатурка. Судя по всему, до нашего прихода он тут перед Тарасовым извинялся за всё на свете. У подоконника подпирает стену «Мымра». Ну, не такая уж она и старая — просто серая мышь: очки, коса, строгий костюм. Видно, нервничает.

— Здравствуйте, — говорю стальным голосом.

— Здравствуйте, Максим Денисович, — начинает директор, откашливаясь. Пытается говорить твёрдо, но в итоге сипит, как прохудившийся радиатор. Неужели так переживает? Да тут не переживать надо — действовать.

— Значит, слушайте сюда, — включается деловым тоном отец Тарасова, будто это он тут собрание ведёт. — Ваш сын посмел поднять руку на моего. Я это так не оставлю. Минимум, что ему за это светит, — постановка на учёт. И он же у вас боксёр. Так вот пусть забудет об участии в соревнованиях и турнирах.

Денис стоит, молча сопит, сжав кулаки.

— Всё сказал? — перебиваю спокойным голосом. — Слушай теперь меня. Твой сын поставил камеру в раздевалке и снимал несовершеннолетних девочек, пока они переодевались.

Тарасов-старший переводит удивлённый взгляд на отпрыска — и ухмылочка сползает с лица мальчишки, будто её стёрли мокрой тряпкой. Глаза директора тоже округляются, как две большие монеты.

— А вы не в курсе были, да? — смотрю на директора. — А почему, интересно?

— Это вопиющий случай, — подаёт голос «Мымра», голос дрожит. — Но зачем же сразу избивать? Надо было нам рассказать.

— А он не избил — он отреагировал на преступление, — отрезаю. — Увидел несправедливость и не прошёл мимо. Это не слабость — это характер.

— Всё же реакцию надо держать в рамках, — хрипит директор. — У нас воспитательный процесс, а не улица.

Впиваюсь в него взглядом — тяжёлым, весом с бетонную плиту.

— Воспитательный процесс? — переспрашиваю тихо. — А снимать девочек на камеру — это, значит, часть вашего воспитательного процесса? Или вы будете мне сейчас рассказывать, что не знали? Не замечали?

— Не знала, — шепчет «Мымра», опуская глаза.

— А чем вы тогда занимаетесь, если не видите, что происходит у вас в классе? Чему вы их можете научить? — не сжожу с неё взгляда.

Она бледнеет.

— Это не отменяет того факта, что ваш сын избил моего ребёнка, — снова заводится Тарасов-старший.

— Я повторяю: мой сын защищал честь девочек, — чеканю каждое слово. — Это не нападение — это защита.

— То есть вы его оправдываете? По-вашему, бить детей — нормально?

— Так, ладно, я понял, — достаю телефон из кармана. — Давайте поступим так. Я сейчас набираю Варю Калашникову. Слышали такую? Известная журналистка, телеведущая и блогер. У неё нюх на такие истории — чувствует несправедливость за три квартала, как охотничья собака.

Усмехаюсь про себя. Вот это ирония. Дожился. Раньше младшая сестра угрожала задир-рам, что брат сейчас придёт — и всем будет места мало, а теперь я её именем пугаю. Мир перевернулся.

— Она обожает сюжеты про двойные стандарты, — продолжаю, не сводя глаз с Тарасова-старшего. — Про закрытые глаза администрации, — кидаю взгляд на директора, у которого уже дёргается веко. — Про то, как классные руководители, — перевожу взгляд на «Мымру», — делают вид, что ничего не происходит, пока дети сами не начинают защищаться. Представляете, какой материал получится: «Школа, где камеры в раздевалках — норма, а мальчик, который вступился за девочек, — нарушитель». И отдельно — про известного мецената, уважаемого человека в городе: как он финансирует школу, а его сын ставит камеры и снимает несовершеннолетних девочек.

— Ну он же просто шутил, — бормочет внезапно побелевший Тарасов, голос уже не такой уверенный.

— Нет, это не шутки — это преступление! На которое школа закрывает глаза ради денег и репутации.

— Ну погодите, — сглатывает он, глядя на директора, будто ищет поддержки. — Может, не надо так жёстко?

— А как надо? — смотрю на него в упор. — Мягко объяснить, что девочек в раздевалке снимать нельзя? Или мягко сказать, что мальчик, который не прошёл мимо, — не преступник, потому что настоящий преступник — ваш шутник? Так ему не пять лет, ему семнадцать. Мягкие методы уже не помогут. Надо было раньше воспитывать.

Снова перевожу взгляд на учительницу.

— А вы... вообще не пойму, чем занимаетесь как классный руководитель, если не знаете, что происходит у вас в классе, и ваши ученики не делятся с вами происходящим, а решают всё сами. Очевидно, ничем. Может, это вообще не ваше, — пожимаю плечами. — Вы же для них как вторая мать должны быть. По всем вопросам к вам должны идти за поддержкой и помощью. А они не идут. Задумайтесь. Вы для них не авторитет.

У девчонки глаза на мокром месте. Да, сейчас, рассмотрев её внимательнее, вижу, что она и правда девчонка — и тридцати, наверное, нет. Опыт небольшой, я понимаю. Но тем более: если не сильно возрастом далеко ушла от своих учеников, должна же быть с ними на одной волне. А по рассказам сына, она только и делает, что орёт на них и вечно всем недовольна.

— Родители тоже должны следить за своими детьми, — шепчет она сбивающимся голосом. — А я должна учить. Я учитель.

— Так вот и научите их, учитель, что такое хорошо и что такое плохо. Если родители дома не научили.

— Давайте мирно урегулируем ситуацию, — просит директор, умоляющим голосом. — Без постановок на учёт и без журналистов.

— Ладно, — киваю, убирая телефон обратно в карман. Не потому что сжалился, а чтобы они поняли: я не жажду крови, но и не позволю сделать из моего сына виноватого. — Но это не милость — это предупреждение. Один неверный шаг — и история уйдёт в эфир. Громко, на весь город. Тарасова — под особый контроль. Никаких поблажек. Чтобы каждый его шаг был на виду.

Перевожу взгляд на Тарасова-старшего:

— А ты... следи лучше за своим шутником. Если он ещё хоть раз что-то подобное выкинет — разбираться будем уже не в кабинете директора, а в других кабинетах. Там разговоры короче и решения жёстче.

Тарасов-старший дёргается, будто от удара, но не спорит. Вижу, как в нём сейчас борется гордость с пониманием: он тут не король, и его статус не спасёт сына от последствий.

— Я... поговорю с ним, — выдавливая наконец. — Серьёзно.

Киваю. Не ради него — ради того, чтобы Денис знал: справедливость не всегда громкая, но она должна быть.

— И ещё, — добавляю уже спокойнее, но так, чтобы услышали все. — В классе должна появиться безопасная точка. Кто-то, к кому ребёнок может прийти и сказать: «Мне страшно», «Мне плохо», «Я не знаю, что делать». Хотя вы, хоть психолог, хоть завуч. Но чтобы этот кто-то реально слушал, а не отмахивался.

Директор кивает:

— Сделаем. Лично проконтролирую.

Разворачиваюсь к сыну.

— Пойдём, — кладу руку ему на плечо. — Тут больше нечего стоять.

Выходим из кабинета.

— Спасибо, па, — шепчет.

— Да не за что. Коля все дела здесь порешали, поеду я на работу.

— А я пойду грызть гранит науки, — вздыхает. — Мымра теперь вообще меня загнобит после того, как ты с ней разговаривал.

— Пусть только попробует. Если что сразу ко мне. Понял?

Кивает.

— Ладно, я поехал, — хлопаю его по плечу. — Держи хвост пистолетом.

Глава 3

Марина

— Ну-ка, хватит лить слёзы! — Геля сжимает моё запястье, пытаюсь успокоить. — Сейчас же прекращай, а то я сама сейчас расплачусь.

А я никак не могу взять себя в руки после утреннего инцидента. И самое обидное, что Калашников был прав. Его слова до сих пор звучат в голосе. И ведь не орал, не унижал — просто сказал правду, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

Мои ученики не идут с проблемами ко мне, а решают их сами. Я для них не авторитет. Снова всхлипываю, вытираю тыльной стороной ладони мокрые щёки. Уроки сегодня провела с опухшими глазами и, честно говоря, кое-как.

Надо собираться домой. Впереди выходные, а я чувствую себя выжатым лимоном. Ничего не хочу, ничего не радует. Я всегда думала, что работаю по призванию, что быть не просто учителем, а тем, кто держит класс, кто первым замечает, когда что-то идёт не так, — это моё. Но сегодня я начала в этом сомневаться. Я плохой классный руководитель.

— Так, сейчас собираемся и едем ко мне. Пятница всё-таки. Посидим, винца выпьем, мужчин обсудим, сериальчик посмотрим, — не сдаётся подруга.

Начинаю ещё больше плакать. Ну каких мужчин? Было бы кого обсуждать. Это у Гели отбоя от поклонников нет — она яркая, лёгкая, с ней всегда хочется быть рядом. А я обычная серая мышь. Нет у меня ни мужчин, ни личной жизни. Был один, и тот сплыл: встретил красивую и яркую и ушёл к ней.

— Как там, кстати, твой Фролов? — пытаюсь отвлечься, вспоминая одного из выпускников прошлого года, который Геле прохода не давал. — Больше не появляется?

На самом деле, в неё влюблены, мне кажется, все старшеклассники нашей школы. Но этот был особо настойчив: к директору по этому поводу на ковёр он ходил чаще, чем в столовую.

— Ой, лучше не напоминай! — хохочет Геля, отмахиваясь. — Наконец-то выдохнула. И вообще, он не мой. Так что не заговаривай мне зубы — собирайся давай.

Если подруга что-то задумала, сопротивляться бесполезно. Поэтому соглашаюсь. Какие у меня варианты?

Квартира Гели находится недалеко от школы, поэтому доезжаем мы на автобусе быстро. Знакомая квартира, знакомые запахи. В студенческие годы мы здесь много времени провели. Тогда ещё была жива бабушка подруги, и её пирожки с травяным чаем всегда поднимали нам настроение даже после самого ужасного дня.

Геля на два года младше меня, и мы с ней не были однокурсницами: познакомились, когда вместе участвовали в институтской команде КВН. И с тех пор — не разлей вода.

В четыре руки накрываем на стол: сыр, вяленая индейка, виноград, оливки, хлебные палочки. Геля открывает вино, разливает по бокалам.

— Знаешь... я тут подумала... Может, классное руководство — это вообще не моё? — кручу в пальцах оливку, так и не решаясь её съесть.

— А ну-ка быстро выбросила эти глупости из головы! — строго обрывает подруга. — Это Калашников тебя этими мыслями накормил?

— Нет... — вздыхаю, крутя в руках бокал за ножку. — Я знаю, что как учитель английского языка я прекрасный специалист. Мои уроки, мои методики, мои результаты — всё это я могу защитить и доказать. Но как классный руководитель... Я не уследила за тем, что творилось прямо под носом. Девочки не пришли ко мне, не поделились... Представляю, как им было неприятно. Тарасов такую мерзость устроил, а они не поверили, что я смогу разобраться, что встану на их сторону...

— Я не думаю, что в этом есть твоя вина, — мягко говорит Геля. — Дело не в тебе. Они ведь знают, кто отец Тарасова. Все привыкли, что Антону всё сходит с рук и он каждый раз выходит сухим из воды. Кто же знал, что найдётся тот, кто и его папаше хвост прищемит?

— Да... — снова вздыхаю, и этот выдох получается долгим, будто из меня выходит весь воздух, который я держала весь день. — Может, ты и права.

После нескольких бокалов вина — практически на голодный желудок, так как аппетита не было весь день, — я начинаю потихоньку хмелеть. И все проблемы вдруг становятся не такими острыми, а жизнь вроде обретает краски. Начинаем подпевать песням, которые льются из умной колонки.

— Слушай, а пошли в караоке-бар! — вдруг воодушевляется подруга, хлопая ладонью по столу. — Тут как раз недалеко есть один приличный: пойдём, попоём, потанцуем, сбросим этот день!

— Да где я, а где караоке-бар... — киваю на свой серый костюм.

— А мы тебя переоденем! — подскакивает со стула Геля с горящими глазами. — Давай-давай! Я уже сто лет мечтаю распустить твою косу и сделать из тебя роковую — пусть весь мир ахнет!

Геля тянет меня за руку в свою комнату, а я заливаюсь смехом. Пусть делает что хочет: конечно, никакой красавицы из меня не выйдет, но хоть повеселюсь от души.

— Шоу «Преображение» объявляется открытым! — торжественно тянет подруга.

Достаёт палетки с тенями, туши, помады, блески... Половины всего этого великолепия я и названий-то не знаю. Снимает с меня очки, отворачивает от зеркала, чтобы я не видела, что там творится. Подруга приступает к моему перевоплощению, а я дальше потихоньку потягиваю вино. Мне весело и хорошо. Давно так не расслаблялась.

— Ну огонь же! — отходит подальше, прищуривается, изучает меня, как художник — своё полотно. — Осталось добавить голливудскую завивку, платье, туфли — и вперёд!

Всё это время Геля не даёт мне смотреться в зеркало — держит в неведении. Перемеряем несколько платьев, пока подруга не останавливается на коротеньком красном. Находит в тон туфельки.

— Ну всё, готово! Смотри! — разворачивает меня к зеркалу.

Поворачиваюсь, смотрю на девушку в отражении — и на секунду замираю. Вспоминаю, как в передачах вроде «Модного приговора» героини, увидев себя, начинают плакать и кричать: «Это кто? Я не верю!» А у меня вместо слёз — смех, лёгкий и немного пьяный.

— Это я? Офигеть... — выдыхаю, не сводя глаз с отражения.

— Ты звезда, детка! — хлопает меня по плечу Геля. — Сегодня все мужики будут у твоих ног. Или хотя бы один — но самый симпатичный!

Хихикаю, перекидывая волосы через плечо. И правда, сейчас я чувствую себя именно такой — лёгкой, живой, настоящей. Почему бы и не повеселиться?

Вызываем такси. До бара доезжаем быстро: он, как оказалось, находится в нескольких кварталах от дома Гели. И тут и правда ничего так — уютно, атмосферно, не слишком шумно.

— Пошли сначала по шампусику, потом — петь! — тянет меня Геля к бару.

— Пошли, — киваю, чувствуя, как внутри просыпается азарт.

Подходим к стойке, заказываем шампанское, чокаемся. И в этот момент какая-то смелая девушка уже горланит известную песню так, будто она мартовская кошка. И не стесняются же люди! Так почему бы и мне не попробовать? Вечно комплексую и считаю, что моему голосу место только в душе.

— Повтори девушкам, — слышу рядом мужской голос, обращённый к бармену.

Поворачиваю голову: высокий, крепкий, светловолосый мужчина втиснулся между мной и Гелей и улыбается. Тщательнее я его рассмотреть не могу — мои очки остались у Гели дома, и без них всё немного плывёт или это уже от алкоголя...

— Привет, — говорит он, глядя то на меня, то на подругу.

— Ну, допустим, — отвечает Геля с лёгкой иронией.

— Я Бронислав, можно Слава, можно Броня, — представляется он.

— Он же Гоша, он же Гога, он же Юрий, — хихикаю я, немного пьяненько, но с удовольствием.

— Ангелина, — протягивает руку Геля.

— Очень приятно, — кивает Бронислав и оборачивается назад. — А это мой скромный друг Макс.

Оборачиваюсь — и сердце на секунду замирает. Мать моя женщина... Калашников.

Глава 4

Максим

В бар к Славе я сегодня идти не горел желанием. Но спорить с моим другом — дело гиблое. Да и пятница, в конце концов... Неделя была, мягко сказать, сумасшедшая, так почему бы не выдохнуть и не сбросить с себя броню.

Друг после пары рюмок коньяка выходит на свою привычную «охоту». Неужели в его баре остались ещё посетительницы, которые не знают его — причём во всех смыслах? Но, как оказалось, остались. Слава приметил их своим орлиным взглядом — глаз-алмаз не подвёл.

Внешне неплохие девушки — не те, что ищут приключений на одну ночь, а те, кто реально пришёл отдохнуть.

Друг тут же «забывает» блондинку. А я и не против. Её подруга — очень даже милая. С натуральными, чуть волнистыми русыми волосами, без всей этой пластиковой эстетики: ни ресниц, похожих на щётки, ни губ, будто их накачали насосом. Просто настоящая.

Только вот смотрит она на меня так, будто увидела привидение: глаза круглые, не моргает, даже чуть назад подаётся. Я что, настолько стрёмный? — не пойму. Вроде одет нормально, не рычу, не пляжусь... А она всё равно будто ищет глазами запасной выход.

— Максим Денисович? — шепчет вдруг так тихо, что я едва слышу сквозь музыку.

Слава и её подруга переглядываются. Я и сам не прочь вызвать пояснительную бригаду. Не припоминаю, чтобы мы где-то пересекались. Хотя внутри щёлкает что-то знакомое — будто краем глаза видел, но никак не могу вспомнить, где и когда.

— Да. Я. А ты..?

— Марина... — откашливается, чуть краснеет. — Романовна.

Марина Романовна... Марина Романовна...

Блин, крутится что-то такое в голове, зудит где-то на периферии, но никак не выплывает.

— Мы с вами сегодня виделись в кабинете директора, — добавляет она.

— Да ну нах... — вырывается у меня.

Серьёзно? Как? Это же... Не, ну вообще, конечно, что-то есть. Похожа. Просто... совсем по-другому выглядит. Ещё моложе, чем показалась утром.

Она молча пожимает плечами, будто извиняется за то, что выглядит не как строгий педагог из кабинета директора. Видно, что немного пьяненькая — не в хлам, а ровно настолько, чтобы чуть-чуть ослабить внутренние барьеры правильной девочки.

— Я не узнал... вас.

— Я догадалась, — усмехается.

— Так вы тот самый Калашников? — прищуривается её подруга, скрещивая руки на груди. — Из-за которого моя подруга сегодня ревела полдня и решила, что классный руководитель из неё никакой.

— Ревела? — переспрашиваю, глядя на Марину. Не люблю, когда из-за моих слов кто-то плачет. Даже если я был прав по фактам — это не значит, что не мог сказать мягче.

Марина опускает глаза, потом снова поднимает, улыбается — стеснительно, но уже не испуганно. Машет рукой, будто отмахивается:

— Ой, не берите в голову. Геля преувеличивает.

— Ничего себе преувеличиваю! — шипит, прожигая меня взглядом.

Но я на её выпады не обращаю внимания. Продолжаю смотреть на Марину.

— Прости, если слишком жёстко вышло. Иногда я... не очень умею аккуратно.

Она наклоняет голову:

— Всё нормально. Не хочу вспоминать. Я сюда пришла не за этим.

— Тогда предлагаю окончательно утрясти все разногласия и обиды — пойти к нам за столик, — улыбается Слава.

Я вообще не против пообщаться с ней. Так-то она, оказывается, не мымра вовсе, а очень даже ничего. Смотрю на Марину в ожидании ответа.

Она переводит взгляд на подругу, потом на меня.

— Нет... нет. Спасибо, — отрицательно качает головой.

Слава ждёт решения подруги; та, видя отказ Марины, тоже отказывается.

Ну ладно. Отшили. Подумаешь. Но всё равно на кончике языка чувствую привкус горечи.

— Ладненько. Если передумаете — подходите, — Слава подмигивает подруге и показывает пальцем на столик в углу, за которым мы сидим.

Девушки кивают и возвращаются к шампанскому. Мы, несолоно хлебавши, возвращаемся к нашему столику.

— И зачем же ты такую милашку обидел, Калашников? — усмехается Слава.

— Так вышло, — в двух словах рассказываю утренний инцидент с Тарасовыми.

Друг кивает. А я то и дело поглядываю на Марину. На неё приятно смотреть, несмотря на то, что, очевидно, они выпили далеко не по одному бокалу. Но при этом не ведут себя развязно.

Девушки подходят к сцене, Марина берёт микрофон. Наверное, сейчас будут петь. Продолжаю наблюдать.

— Понравилась? — с улыбкой спрашивает Слава.

Неопределённо качаю головой:

— Сам ещё не понял.

Начинается вступление песни.

Да ладно? Сижу и тихо смеюсь. Слава тоже с круглыми глазами смотрит то на меня, то на сцену.

— За пять лет, что я хозяин караоке-бара, первый раз слышу, чтобы кто-то пел эту песню, а тем более девушка.

Та-да! Bohemian Rhapsody — это последнее, что ждёшь от девушки в караоке. Но, должен признать, получается очень даже неплохо.

Марина поёт на кураже. Её подруга подпевает, смеётся между фразами — и в этом их дуэте столько жизни, столько отчаянной лёгкости. У меня улыбка не сходит с лица, и это странно: я ведь не из тех, кто радуется по пустякам. Да я вообще не из тех, кто улыбается без причины.

— Ну, теперь их точно уведут, — смеётся Слава, кивая в сторону бара, где уже начинают подтягиваться мужики, привлечённые не столько голосом, сколько выбором песни — и этой самой лёгкостью, которую сейчас редко встретишь в девушках.

Пока подруга Марины всех отшивает, сама Марина просто пьёт. Ей, наверное, уже хватит.

— Пойду предложу подвезти домой, — встаю, беру пиджак. — Ты ещё остаёшься или тоже едешь?

Слава качает головой, устало потирает переносицу:

— Не. Мне ещё надо закупки по отчёту проверить. Там несрастухи какие-то.

Девушки берут свои сумочки и, покачиваясь, следуют к гардеробной. Марина безуспешно пытается надеть пальто — рукава упорно не поддаются, она хмурится, будто это пальто ей лично что-то сделало. Ещё немного — и начнёт с ним, кажется, драться.

— Давай, — подхватываю пальто, расправляю, подаю как надо.

Пока она просовывает руки в рукава, успеваю уловить аромат её духов. Мило, нежно, приятно — такой запах, который хочется запомнить.

Разворачивается ко мне с улыбкой и поплывшим взглядом:

— Благодарю.

Киваю:

— Могу подвезти домой, — смотрю на девушек по очереди.

— А давай! — решительно соглашается Геля. — А то такси будем ждать вечность.

Выходим на воздух. Аккуратно усаживаю на пассажирское сиденье рядом со мной весёленькую учительницу: она ещё держится, улыбается, но глаза уже слипаются. Подруга её садится сзади. Она, как оказалось, живёт недалеко, поэтому выходит первой, предусмотрительно сказав мне адрес Марины. А та уже с улыбкой посапывает, прислонившись к стеклу.

Подъезжаем к нужному дому.

— Марин, вставай, — пытаюсь разбудить. — Приехали.

Но девушке хоть бы хны. Она продолжает спать. Блин, а подруга её сказала только адрес дома. А квартира какая?

— Марин, какая квартира?

— Что? — бормочет с закрытыми глазами.

— Номер какой?

— Сто сорок два.

— Да не школы, блин, а квартиры!

— Oh, mamma mia, mamma mia... Mamma mia, let me go, — бурчит себе поднос.

Вот нашёл же беду на свою голову... Ладно, артистка. Включаю поворотник, выезжая со двора дома. Значит, отвезу к себе. Какие у меня ещё есть варианты?

Припарковавшись возле своего дома, глушу двигатель и снова безуспешно пытаюсь растормозить Марину. Вздыхаю, выхожу из тачки, открываю дверь с пассажирской стороны, подхватываю её на руки. Она что-то невнятно бормочет, доверчиво прижимаясь.

Перед дверью ставлю её на ноги, придерживаю, чтобы не «уплыла» на пол. Марина опирается на моё плечо, вздыхает. Открываю дверь, включаю свет в коридоре. Снова беру девушку на руки, скидываю обувь и несу в спальню, кладу на кровать.

— Ммм... Надо платье снять... — мурчит сонно, едва шевеля губами.

Да блин.

— Встань тогда и сними.

Она, конечно, не слушается. Приподымаю её, словно куклу, ищу молнию на платье — она оказывается сбоку. Всё это для меня слишком откровенно и близко, тем более что девушка она всё-таки привлекательная... Снимаю платье, стараясь не пялиться и ни о чём таком не думать, — а думать только о том, что ей сейчас просто нужно поспать.

Марина обратно плюхается на кровать, раскидывает руки, будто наконец-то сдаётся усталости. Накрываю её лёгким пледом, беру подушку и иду в зал на диван. Прикрываю локтем глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

Сюр какой-то... Мог ли я ещё утром подумать, что та самая «мымра» окажется совсем не мымрой и будет сладко спать в моей кровати...

Глава 5

Максим

На диване не выпался от слова совсем, будто всю ночь ворочался под бетонной плитой. Сажусь, разминаю затёкшую шею, щёлкаю позвонками.

— Алиса, сколько времени?

— Пять часов семнадцать минут.

Устало потираю лицо, принимаю душ, чищу зубы. Вытираюсь, переодеваюсь, захожу на кухню, щёлкаю выключателем. На улице снова ливень.

— Как осень хороша!

Как чисты небеса!

Ставлю сковороду, наливаю чуть-чуть масла — оно тут же начинает тихо шипеть. Достая яйца, хлеб, сыр. Пока на сковородке жарится глазунья, делаю тосты с сыром, варю кофе.

Только я собираюсь разложить всё по тарелкам и позвать гостью к столу, как из глубины квартиры доносится душераздирающий вопль, от которого у меня лопатка выпадает из рук на пол.

На кухню забегают перепуганная лань — Марина. Прикрывается своим платьем. Глаза огромные, задыхается.

— Что? Я? Вы? Мы? — выдаёт она единым выдохом.

— Стой-стой! — торможу её взмахом руки, сразу понимая, к чему она клонит. — Ничего не помнишь, да?

— Не помню, — всхлипывает, закрывая лицо руками. — Это ужасно.

Вот сейчас прям обидно было. Неужели вероятность оказаться в моей постели настолько ужасающа?

Подхожу медленно к ней, боясь спугнуть, как раненого зверька.

— Ничего не было, Марин. Останови драму.

Вскидывает на меня глаза, убирает ладони от лица.

— В смысле? — шмыгает носом.

— В прямом. Ты немного выпила лишнего. Уснула в машине. Подруга твоя сказала мне твой адрес, но забыла упомянуть номер квартиры. Разбудить не смог. Вот, — пожимаю плечами. — Привёз к себе.

— А голая я тогда почему? — спрашивает, недоверчиво прищурившись.

— Ну, не совсем уж и голая...

Марина одаривает меня таким взглядом, что я не решаюсь шутить дальше, и говорю как есть:

— Ты сказала, что платье надо снять. Я помог.

— О господи... — садится на стул, будто ноги больше не держат. — Я приставала к вам?

— К нам — нет.

Она качает головой.

— Это кошмар. Я позорище какое-то. Слава богу, что Дениса дома нет.

— Он у матери. Да ладно... Выдохни. Давай завтракать, и я тебя отвезу домой.

— Да нет. Какое завтракать? Как можно? Вы и так возились со мной полночи... немного выпившей... Простите меня. Я обычно столько не пью, настроение просто такое было.

— Ничего страшного не случилось. Тем более частично ведь я и был спонсором этого плохого настроения. Давай, выпей хоть кофе.

— Ладно... кофе выпью, — соглашается.

— И глазунью с тостами. Я старался.

— Ну, если старались...

— И давай, может, на «ты»?

Замирает, смотрит на меня поверх кружки с кофе.

— Мы... целовались?

— Да не было ничего, — хмыкаю. — Вообще ничего.

— Ну да, понятно, — опускает глаза.

Марина быстро всё уплетает, вдруг резко подсакивает, хватая тарелку:

— Спасибо за завтрак. Мне пора.

— Оставь тарелку, я сам уберу.

— Да ну, что вы... Мне же не сложно.

— Оставь! — рявкаю, сам не понимая, откуда в голосе эта резкость. Просто вдруг накрывает: не хочу, чтобы она тут суежилась, будто обязана мне чем-то. Хочу, чтобы просто посидела, выдохнула.

Тарелка выскальзывает из её пальцев и с глухим звоном падает, разлетаясь на осколки.

— Стой, не двигайся! — кричу, но поздно: она дёргается, делает шаг — и тут же морщится, поджимает ногу.

— Да, едрит-Мадрид...

Подхватываю её на руки. Она тихо всхлипывает.

— Ну что ж ты за горюшко такое...

— Поставьте меня, я тяжёлая.

— Мхм. Вчера на второй этаж тащил тебя и не заметил.

— Вы... ты ещё и на руках меня вчера носил? — снова стыдливо закрывает лицо руками.

Несу в зал, аккуратно укладываю на диван.

— Я за аптечкой. Не дёргайся с места. А то по жопе получишь.

От удивления у неё рот раскрывается в виде буквы «О».

— Шучу, — бросаю через плечо, уже выходя в коридор. — Но с места всё равно не вставать.

В аптечке копаюсь на автомате: перекись, пластырь, бинт. Возвращаюсь, ставлю коробку на столик, сажусь на край дивана.

— Давай ногу.

Смотрит на меня, медленно вытягивает ногу, опирается пяткой о край дивана, чуть морщится.

— Больно?

— Немного.

Осторожно осматриваю ступню. Крошечный осколок впился в кожу, вокруг — красная полоска. Вытаскиваю его пинцетом, она вздрагивает, но не отдергивает ногу.

— Прости. Сейчас будет щипать.

Протираю ранку ваткой с перекисью. Марина сжимает кулаки, зажмуривается, но молчит. Только дышит чуть чаще.

— Всё, — наклеиваю пластырь, разглаживаю края. — Жить будешь.

Она наконец открывает глаза, смотрит на меня с каким-то новым выражением.

— Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что...

Я немного зависаю. А глаза какие красивые... На кухне показались мне ореховыми, а сейчас — серо-зелёные какие-то. Интересно, она в линзах? Без очков же.

— Ладно, мне пора уже, — подсакивает и тут же морщится: — Ай-ай-ай!

— Да блин. Сядь ты уже и сиди.

Послушно садится.

— Ну мне же домой надо. И к Геле. Я очки у неё оставила и вещи свои.

— Сейчас прям надо?

— Ну да... И вдруг Денис сейчас придёт. Что он обо мне подумает? Это позорище — ночевать у отца ученика.

Ну да, ужас ужасный. Это, наверное, самое бесшабашное, что ты делала в жизни.

— Я тебя отвезу. И не пытайся сопротивляться!

— Ладно.

Снимаю с крючка её пальто, протягиваю — она надевает, сидя на диване. Закидываю её сумочку себе на плечо, даю Марине в руки её туфли. Снова беру её на руки.

— Молчи, — предупреждаю заранее.

— Молчу, — доверчиво обнимает меня за шею.

Кое-как замыкаю дверь с Мариной на руках. Сажую её в машину. Запускаю двигатель, включаю обогрев. Тёплый воздух ползёт по салону, разгоняя утреннюю сырость.

— К Геле? — спрашиваю, глядя на неё.

Кивает, отводя глаза.

— Что я ей скажу? Почему я с вами? Что она обо мне подумает?

Вздыхаю, закатывая глаза.

— Ну да, как ты посмела? Это ведь уму непостижимо — ночевать не дома.

— Не смешно.

— Смешно, — настаиваю, чуть улыбаясь. — Почему ты вообще должна перед кем-то оправдываться?

— У нас нет секретов друг от друга.

— Ну так и расскажи ей правду. Марин, не выдумывай проблем, которых нет. Лучше, пока мы едем, песню мне спой.

— Песню?.. Какую?

— Ну что-нибудь из твоего репертуара, — подмигиваю.

— Я что, вчера пела? О господи... — закрывает глаза рукой.

— Да ладно. Мне вчера очень понравилось.

Is this the real life?

Is this just fantasy?

Caught in a landslide

No escape from reality.

Тихо напеваю себе под нос. Марина отворачивается к окну, пытаясь скрыть улыбку. Достает из сумочки телефон и кому-то пишет — скорее всего, своей Геле.

Пока ждём под домом её подругу, вижу, как она нервничает. Вот ведь удивительный экспонат — краснеет, переживает, стесняется... Я и не знал, что такие ещё остались.

Геля выходит из подъезда, естественно, замечает, что подруга приехала со мной. Удивляется, но вопросами не засыпает — спокойно здоровается, отдаёт вещи.

— Ну видишь, а ты боялась, — говорю, когда отъезжаем.

Хмыкает с улыбкой в ответ.

Подъезжаем к её дому. Открываю дверь, собираюсь подхватить её на руки.

— Я сама, — останавливает меня ладонью. — У меня пятый этаж. Не донесёшь.

— Не надо сомневаться в моих возможностях.

Беру её на руки и несу. Из подъезда выходит какая-то бабушка лет ста, смотрит на нас, прищуривается.

— Ой, Мариночка! Это ты?

— Не она, — быстро отвечаю за Мариночку и захожу в подъезд. Блин, я-то её еле узнал со своим стопроцентным зрением, а бабулька с порога признала. На нюх, что ли? Или у неё встроенный радар на всех местных женщин?

— Ой, как стыдно перед Анной Матвеевной... — тихо стонет Марина, пряча лицо у меня на плече.

— Забей! — фыркаю. — Она через пять минут об этом забудет.

Несу её к лифту.

— Дальше я сама, — начинает брыкаться. — Спасибо.

— Ну попробуй, — ставлю её на ноги. Вижу, что прихрамывает, но держится.

— Ну всё, я тогда пошла.

— Иди.

— До свидания. И спасибо за всё.

— Да не за что.

— Есть за что... — смотрит прямо, без отводов, и в этих серо-зелёных глазах столько тепла, что внутри что-то тихо щёлкает.

Заходит в лифт, дверь закрывается, а я стою и пялюсь на эти металлические створки.

Что происходит? Не знаю. Но чувствую — что-то хорошее. Улыбаюсь сам себе, как мальчишка, и иду к машине. И даже дождь на улице уже не кажется таким угрюмым.

Глава 6

Марина

— I saw him running и Running is good for health, — проговариваю вслух фразы написанные на доске. — Смотрите: в первом предложении «running» — это причастие. Оно описывает действие, которое происходит параллельно с другим: я видел, а он бежал. Это как два кадра в одном моменте. Во втором — это герундий. Здесь «running» уже не просто действие, а предмет разговора, почти как существительное: бег — это полезно. Он становится главным героем фразы.

Вижу, как Лиза чуть приподнимает руку, и киваю ей.

— Да, Лиза?

— То есть это одно и то же слово, но в одном случае оно как глагол, а в другом — почти как предмет?

— Именно, — киваю, довольная, что она ухватила самую суть. — Всё зависит от роли в предложении. Как в театре: один и тот же актёр может играть и злодея, и друга главного героя — всё решает сцена.

Иду вдоль рядов, раскладываю на парты карточки с короткими фразами.

— Сейчас поработаем в парах: определите, где тут причастие, а где — герундий, и объясните, почему. Не ищите подвоха, просто слушайте, как фраза звучит. Если чувствуете, что слово «делает что-то», скорее всего, это причастие. Если оно «само по себе», как тема разговора, — это герундий.

Замечаю, что Саша хмурится и тянет руку.

— А если я скажу: I like running?

— Отличный пример. — улыбаюсь. — Здесь «running» — герундий. Ты любишь не какой-то конкретный бег, а само действие как явление. Это как сказать «я люблю мороженое»: не одну ложку, а вообще.

Класс потихоньку оживает. Слышу, как ребята шепчутся, разбирают с азартом фразы на карточках.

Подхожу к доске, стираю старые примеры, пишу новые.

— Самое главное, что я хочу, чтобы вы запомнили сегодня: причастия и герундии — это не про зубрёжку правил. Это про то, как английский язык умеет одним словом передавать и действие, и предмет, и состояние. И когда вы это почувствуете, дальше будет проще.

Смотрю на часы — до звонка ещё десять минут.

— Давайте теперь каждый придумает по одной своей фразе: одну с причастием, одну с герундием. Такую, которая отражает что-то ваше: что вы любите, что видели, что запомнилось. Потом поделитесь с соседом.

В классе становится тише. Слышу шелест бумаги, тихий стук ручек, неуверенные, но старательные фразы.

Звенит звонок.

— Все сегодня молодцы. Дома повторите материал, — говорю, собирая карточки.

Дети выходят из класса, в коридоре сразу становится шумно.

Остаюсь одна. Вспоминаю: ещё вчера собиралась набрать маму, но закрутилась и забыла.

Достаю телефон, делаю глубокий вдох — и нажимаю вызов.

— Мамуль, привет. Как вы? Как здоровье?

— Хорошо всё, доченька. Вот томаты с утра консервирую, с перцем, как ты любишь. Приедешь как раз к Наташе на день рождения и заберёшь. И огурцы... и лечо... и кабачки. Немножко совсем... баночек двадцать.

Улыбаюсь и одновременно морщусь.

— Мамуль, а как же я всё это богатство увезу от вас?

— А я Русланчика попрошу — он тебя отвезёт. Ой, такой мальчик хороший. Зинин внук, помнишь его?

Помню, конечно. Тот самый, который в детстве козявок ел и палкой в коровьих какахах ковырялся.

— Ага. Хороший...

— Вот как раз и познакомитесь поближе. Он хороший, работающий, непьющий.

— Ма, пожалуйста, хватит меня сватать... — тихо хнычу, прикрывая глаза ладонью.

Каждый раз, когда приезжаю в родную деревню, мама находит мне нового кандидата. Это уже не забота — это идея фикс: отдать меня хоть за чёрта лысого.

— Хватит? Не хватит! Тебе тридцать один уже, Марина! Я внуков хочу уже лет десять как. А Русланчик... Он тебя обещал приехать, даже встретить с вокзала.

— Будут тебе внуки. Не надо Русланчика!

— Да? А что, уже и кандидат есть?

— Есть, — ляпаю, сама не понимая, зачем. Лишь бы Русланчик не встречал меня с вокзала и не вёз домой из деревни.

Мама на секунду замолкает.

— Ну тогда с ним и приезжай на день рождения.

И как теперь будешь выкручиваться, врушка?

— Он у меня человек занятой. Работает. Ему некогда.

— Что значит «некогда»? Это пятница. Пусть порешает уж как-то все свои дела и приезжает. Познакомимся.

Да ну, блин... Кто меня за язык тянул? Хочется просто положить трубку, спрятаться под парту и сделать вид, что меня тут нет.

— Так что, Русланчику давать отбой?

— Да! Давай отбой.

— Ну всё, будем тогда вас ждать.

— Хорошо, — киваю в пустоту, отключаю вызов, откладывая телефон и кладу голову на стол. Хоть бейся теперь. Где мне срочно взять парня?

— Эй, ты чего тут спишь? — смеётся Геля, присаживаясь на край парты.

— Беда, подруга... — стону.

— Какая? — подходит ближе.

— Жених нужен на следующую пятницу. Хоть какой. Лишь бы мама перестала меня сватать.

— Тю... За две недели найдём. Не проблема.

Поднимаю голову, смотрю на неё, как будто она только что сморозила глупость. Хотя почему «как будто»?

— Ты серьёзно? То есть за тридцать один год не нашла, а за две недели найду?

Подруга задумчиво прикусывает губу, хитро щурится.

— Калашников!

— Где? — я резко поворачиваюсь к двери, будто Максим Денисович вот-вот выскочит оттуда с букетом и криком «я согласен!».

Геля хохочет, запрокидывая голову.

— Не смешно, — фыркаю, скрещивая руки.

— Попроси Калашникова.

Вздыхаю, опуская плечи.

— Ну да. Он прям сидит и ждёт, когда же Маринка, училка-пьянчужка, позовёт его в деревню знакомить с родителями.

— Ну тогда нужно сделать так, чтобы ему это было интересно.

— Думаешь, за лечо и консервашку согласится? — смеюсь, хотя мне совсем не весело.

— А ты попробуй. Всё может быть.

— Не, — отрицательно качаю головой. — Я так позориться не буду перед ним. И так уже напозорилась.

— Да какое позориться? Сама рассказывала, что он тебя на руках носил. Ни один мужик не будет носить на руках женщину, которая ему не интересна.

— Да ну... Он просто такой порядочный... Ну, мужчина, понимаешь... настоящий.

— Ой, подруга, — Геля загадочно улыбается, наклоня голову, как кошка, которая уже придумала, как стащить сосиску. — Влюбилась, что ли?

— Так, — встаю из-за стола, резко вытираю доску. — Будешь с глупостями приставать — позвоню Фролову и скажу, что Ангелина Юрьевна по нему соскучилась. Давненько он тебя под школой не караулил и домой не провожал.

— А-ах ты ж... Какая ты! Не ожидала от тебя, подруга! — визжит Геля и бьёт меня блокнотом по ягодицам.

— Эй, всех женихов отобьёшь! — хватаю указку и легонько бью её в ответ.

— Я прибиваю! — снова шлепает.

— Те, кто младше, — отбивают, старше — прибивают!

Выкрикиваю, перехватывая указку, как шпагу, поднимаю вторую руку вверх и делаю выпад в стиле д'Артаньяна в сторону Гели.

— Тысяча чертей! Каналья! — голосом Боярского.

Подруга хохочет, закрываясь блокнотом, будто это щит.

— Кхм-кхм. Здравствуйте! — мужской, низкий, красивый и очень знакомый голос.

Замираю с вытянутой рукой и указкой-шпагой. Закрываю глаза. Это ведь не он, да? Не он. Пожалуйста, пусть это будет не он.

Медленно поворачиваюсь к двери.

Стоит, облокотившись на дверной косяк плечом, и улыбается своей уверенной и чертовски красивой улыбкой.

— Здравствуйте, Максим Денисович!

Дорогие мои, если история вам нравится, не забывайте ставить ## книге

Спасибо! ##

Глава 7

Марина

— Если тут дуэль, — говорит Максим Денисович растягивая слова, — я, пожалуй, постою в стороне. А то вдруг и меня случайно заколют.

Геля сдавленно фыркает, пряча улыбку в кулак. А я наконец опускаю свою шпагу. Хочется провалиться сквозь землю, желательно прямо в подвал.

— Мы... это... репетировали сценку для старшеклассников, — бормочу, пытаюсь натянуть на эту нелепицу хоть какое-то приличное объяснение. — Про мушкетёров. С элементами... фехтования.

Максим Денисович кивает.

— Понятно. Современный подход к литературе. Очень... динамично. Прямо иммерсивный театр, не иначе.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — говорит Геля, плавно скользя к двери.

Максим смотрит на меня, а я не знаю, куда себя деть.

— Вы Дениса ищите? У них сейчас физкультура должна быть.

— Нет. Я к тебе пришёл.

Брови от удивления ползут вверх.

— Ко мне? — тихо спрашиваю.

Кивает.

— Хочу взять пару уроков фехтования, — говорит серьёзно, но уголок губ дёргается.

— Это будет очень дорого стоить, — отвечаю с максимально умным и непроницаемым видом.

— Надеюсь, договоримся, — хмыкает он.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно... Хочу попросить тебя подтянуть Дениса по твоему предмету к ЕГЭ. Не бесплатно, конечно. И с определёнными условиями.

— Какими?

Лишние деньги мне точно не помешают.

— Занятия будут проходить у меня дома.

— Да это не проблема, — пожимаю плечом. — А остальные преподаватели тоже будут приходить к вам домой?

— Нет. По остальным предметам у него всё прекрасно.

Так и с английским у него всё не так уж и плохо. Но, конечно же, я соглашусь: заниматься любимым делом и при этом видаться несколько раз в неделю с Максимом — это очень заманчиво.

— Я согласна. Но у меня тоже будет условие, — выпаливаю, пока храбрость не испарилась.

— Какое? — настораживается.

— Побудьте моим парнем, — говорю таким голосом, будто прошу о чём-то абсолютно обыденном.

Глаза у Максима округляются, брови взлетают чуть ли не к волосам — на миг мне кажется, что он сейчас развернётся и уйдёт, решив, будто я сошла с ума.

— Прямо так сразу? Без прелюдии? — в его голосе слышится не только удивление, но и искорка веселья.

Смущение накатывает волной, и лицо тут же вспыхивает, выдавая меня с головой.

— Перед моей семьёй, — торопливо добавляю, чтобы хоть как-то оправдать эту нелепую просьбу. — Мама постоянно мне сватает разных кандидатов. Сил уже нет. Сегодня ляпнула

ей, что у меня есть мужчина. А она сказала приезжать с ним на день рождения к тёте Наташе. Иначе всё — труба, отдадут меня Русланчику, поедателю козявок.

Боже, что я несу...

На лице Максима медленно растягивается улыбка — не насмешливая, а тёплая, будто он вдруг увидел что-то очень милое и немного отчаянное.

— Я согласен.

— Да? Серьёзно? — оживляюсь, и внутри всё подпрыгивает, как у ребёнка, которому пообещали мороженое после супа.

— Серьёзно. Зачем же тебе поедатель козявок? Такой себе генофонд.

— Так и я про то же, — вздыхаю.

— И когда день рождения тёти Наташи?

— В следующую пятницу. Мы туда и обратно. Посидим, поздравим именинницу, и всё. А, ну ещё нужно будет забрать консервацию... Немножко совсем... баночек двадцать.

— Ммм... Огурчики, помидорчики... — тянет Максим, прикрывая глаза.

— Ага, — киваю.

— Так с этого надо было и начинать, — подмигивает он. — А если ещё и кабачковая икра будет, то и мужа твоего готов сыграть.

— Ну, это вы уж сильно как-то разогнались, — смеюсь, пытаюсь ладонями остудить свои пылающие щёки.

— С кабачковой икрой или с мужем? — обворожительно улыбается он. Да что ж ты делаешь? Я и так тут уже вся горю.

В этот момент в кабинет вихрем залетает раскрасневшийся Денис, а следом — его друг Ярик.

— О, пап, а ты чего тут? — Денис резко тормозит, чуть не поскользнувшись на линолеуме, и переводит взгляд с отца на меня.

— Зашёл договориться с Мариной...

— Романовной, — подсказываю.

— ...Романовной о репетиторстве, — продолжает Максим.

— Для меня?

— Да. Тебе к ЕГЭ надо подтянуть английский язык.

— Ладно, — пожимает плечами. — А по каким дням и куда приезжать: сюда или к вам домой?

— Марина сама будет приезжать к нам.

— Романовна...

— Марина Романовна, да. Будет приезжать к нам, — Максим смотрит на меня. — По каким дням?

— А по каким тебе удобно? У тебя же бокс, — спрашиваю у Дениса.

— Ну-у-у... Могу вторник, четверг.

— Отлично. Мне подходит. В семь нормально будет?

— Да, — кивает Денис, глядя на отца.

— Так, а чего вы не на уроке? — спрашиваю ребят, включая в голос нотки классного руководителя.

— А мы кеды забыли в классе, — отвечает Ярик с такой невинной улыбкой, что сразу понятно: забыли они их нарочно, чтобы поболтаться по коридорам.

— Прямо оба? — поднимаю бровь.

— Ага, — улыбаются они в унисон, как два заговорщика.

— Ну тогда берите и бегите, — кивает Максим на выход.

— Ага! — хором выкрикивают они, подлетают к шкафчикам в конце кабинета, хватают сумки для сменной обуви и вылетают в коридор.

— Ладно. Мне уже пора. До завтра тогда, — Максим делает шаг к двери.

— До завтра, — киваю, всё ещё пытаюсь осознать, что только что произошло. — Кстати, а почему занятия будут проходить у вас, а не у мамы Дениса?

— Хочу больше проводить времени с сыном, — подмигивает и выходит, бросив через плечо: — Завтра в семь.

Останавливается, оборачивается.

— А у тебя ещё уроки есть сегодня? Могу подвезти.

— Уроков нет. Но директору обещала сегодня сделать отчёт. Поэтому придётся задержаться. Но за предложение спасибо.

— Понял-принял, — ещё раз кивает и исчезает за дверью.

Выдыхаю, сажусь за стол, упираюсь локтями в столешницу и опускаю лицо в ладони. Согласился. Он поедет со мной! До сих пор поверить не могу.

Глава 8

Марина

Стою перед зеркалом, глядя на своё отражение. Передо мной сегодня стоит настоящая дилемма. Мне уже выходить нужно, а я всё никак не решу, что мне надеть. Сначала я собиралась идти в привычном образе строгой учительницы — костюм, коса, очки. Но там же будет Максим, а перед ним я не хочу выглядеть как мымра. Поэт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.